

— Шисюн, прости меня... — Сюань Тяньшэ посмотрел на брата с сочувствием.

Прошное, открывшееся ему, оказалось слишком жестоким. Он и представить не мог, что семья старшего брата пала жертвой столь кровавой расправы. Прежде А-Шэ считал, что они с Бай Линем похожи: оба сироты, без роду и племени, и что тот пришел во Врата Четырёх Образов с маленькой сестренкой на руках.

— К чему извинения? Ты здесь ни при чем, — Бай Линь открыто улыбнулся, хотя в его взгляде все еще таилась печаль. — Сейчас я вспоминаю об этом лишь потому, что тоскую по родителям. Если бы я не нарисовал их портреты, боюсь, со временем и вовсе забыл бы, как они выглядели.

— В твоём сердце еще жива ненависть? — тихо спросил Сюань Тяньшэ.

Бай Линь качнул головой.

— Нет. Ни к семье Чжоу, ни к Чжоу Юаньшуан. Они лишь случайные путники, промелькнувшие в моей судьбе. Матушка хотела только одного: чтобы мы с Мэн-эр выжили. Чтобы жили за них всех.

Несмотря на пережитый ужас, на потерю близких и искалеченные ноги, Бай Линь нашел в себе силы идти дальше. В этом была заслуга его матери, ее уроков. Пока ты дышишь — надежда жива. Смерть же обрывает всё. словно цветы камписса: хрупкие, но неизменно тянущиеся к солнцу, они остаются прекрасными и стойкими вопреки всему.

Сюань Тяньшэ крепко сжал его ладонь.

— Шисюн, сейчас главное — найти Мэн-эр. Вы должны воссоединиться.

— Да, — кивнул Бай Линь.

Сюань Тяньшэ накрыл его колени шкурой снежной лисицы, купленной в Лучене. Осенний ветер становился всё резче, лотосы у подножия Пика Чёрной Черепахи почти увяли, и с каждым днем холод ощущался всё отчетливее.

Хань Цзюэ, до этого хранивший молчание, подал голос:

— Послушав твой рассказ, я прихожу к выводу: раз Бай Мэн нет в Ордене Истребления Бессмертных, велика вероятность, что она вернулась либо в Тунлин, либо в Помесье Хуалу.

— В этом есть смысл.

— Но почему она не вернулась во Врата Четырёх образов? И куда именно направилась? Вот что стоит обдумать, — Хань Цзюэ прищурился, анализируя детали. — Позволю себе предположить: завладев Знаменем призыва душ, Бай Мэн поглотила души тридцати шести членов семьи Чжоу. Но в тот же миг она обнаружила, что души ее собственных родителей тоже заперты внутри знамени. Ослабленная отдачей артефакта, она не смогла их освободить сразу.

— И проведя месяц в темнице Ордена, она восстановила силы, — подхватил Сюань Тяньшэ, воодушевленный этой догадкой. — Ей захотелось упокоить родителей в родных краях! Мэн-эр решила, что справится сама, и потому не стала тревожить тебя, шисюн.

Бай Линь задумался, но вскоре вновь нахмурился.

— Тогда почему Лампа души начала гаснуть?

— Верно, — Сюань Тяньшэ перестал барабанить пальцами по столу. — Если во время отдачи всё было в порядке, то почему фитиль стал темно-красным после того, как она поправилась? Об этом я не подумал.

Хань Цзюэ едва заметно улыбнулся, глядя на Сюань Тяньшэ с оттенком странной, почти снисходительной жалости.

— Есть и другой вариант: она просто не может позвать вас на помощь.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросил Бай Линь.

Хань Цзюэ кивнул на Лампу души.

— Подумай сам. Оставляя тебе этот светильник, Бай Мэн вовсе не хотела, чтобы ты просто наблюдал за ее кончиной. Она рассчитывала, что если с ней что-то случится, лампа даст тебе шанс спасти ее.

Сюань Тяньшэ оживился — эта логика казалась ему безупречной.

— Согласен. Именно так она бы и поступила.

— Значит, она либо тяжело ранена и не может двигаться, либо... — Хань Цзюэ усмехнулся. — Ее кто-то пленил. С ранением проще: нужно лишь найти убежище. Но если ее держат в неволе, этот человек не станет сидеть на месте. Он будет постоянно перемещаться, чтобы замести следы.

Сюань Тяньшэ вчитался в подтекст слов Хань Цзюэ.

— Ты намекаешь, что кто-то воспользовался ее слабостью и похитил? Но, судя по словам шисюна, на такое способен лишь один род людей.

— Ошметки семьи Чжоу!

— Именно, — Хань Цзюэ поднялся и сделал пару неторопливых шагов по комнате. — Вы говорите, что знаки в подземелье указывали на гибель всех тридцати шести человек, и Старейшина Гуйфо это подтвердил. Но что, если среди них был кто-то чужой? Или в семье Чжоу на самом деле было не тридцать шесть человек, а тридцать семь? Или тридцать восемь?

Бай Линь вцепился в подлокотники кресла так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Если так, то Мэн-эр в смертельной опасности!

Сюань Тяньшэ нахмурился, взвешивая теорию Хань Цзюэ. В душе шевельнулось странное беспокойство — чутье подсказывало, что всё не так просто.

— Я в этом сомневаюсь, — наконец произнес он.

— А-Шэ?

— Если у Бай Мэн хватило сил вырезать целую семью и вернуть Знамя призыва душ, значит, у нее были свои козыри. Иначе как бы она, с ее уровнем развития, одолела Чжоу Сюе, который сотню лет совершенствовал искусство управления душами? — Сюань Тяньшэ твердо посмотрел на брата. — Она не глупа. Она бы не позволила загнать себя в угол.

Хань Цзюэ остановился и кивнул.

— Справедливо.

— Я и не догадывался, что Мэн-эр затаила такую глубокую обиду, — Бай Линь выглядел подавленным, в его голосе сквозила горечь. — Ей ведь было всего четыре года. Неужели она всё запомнила? Ни я, ни учитель никогда не вдавались в подробности той резни. Она ни разу не выказала ненависти к Чжоу... Как же так вышло?

Слова шисюна натолкнули Сюань Тяньшэ на внезапную мысль.

— Возможно, дело не только в мести, — предположил он. — Что, если ее главной целью было вернуть родовое сокровище?

— Хочешь сказать, месть была лишь прикрытием? — Хань Цзюэ удивленно взглянул, мгновенно

уловив суть. — Неважно, зачем ей понадобилось знамя, сначала его нужно было добыть. А чтобы забрать артефакт у таких людей, пришлось бы прорубаться сквозь их трупы. И она решила совместить полезное с приятным — вернуть долги за прошлое.

— Именно.

— Становится всё интереснее, — Хань Цзюэ пододвинул стул поближе к Сюань Тяньшэ и заглянул ему в глаза. — Оставим в покое вопрос о том, как именно она их прикончила. Скажи лучше, шисюн: зачем ей сдалось это знамя? Есть у него иное назначение, кроме как повелевать призраками?

Бай Линь смущенно покачал головой.

— Признаться, я не знаю. До гибели семьи я и вовсе не касался духовных практик. О самом знамени я узнал, лишь подслушав разговор родителей. Оно пробыло в моих руках меньше получаса, прежде чем люди Чжоу забрали его. Я действительно ничего о нем не ведаю.

Вспомнив о том роковом дне, Бай Линь вновь помрачнел. Ведь это он, по своей доверчивости, проболтался о сокровище, что привело к гибели его близких. Сюань Тяньшэ метнул в Хань Цзюэ гневный взгляд, и тот лишь развел руками — мол, не хотел беречь старые раны.

— Что ж, тогда тупик, — Хань Цзюэ фыркнул, явно недовольный реакцией Сюань Тяньшэ. — Сколько бы мы ни гадали, мы всё равно возвращаемся к исходной точке.

Он очертил пальцем круг в воздухе и, по-прежнему усмехаясь, спросил:

— Так где же она вероятнее всего? В Тунлине или в Поместье Хуалу?

Сюань Тяньшэ и Бай Линь одновременно вздохнули. Проблема действительно не сдвинулась с места: где искать Бай Мэн?

— Ты прав, — наконец произнес Сюань Тяньшэ, опережая брата. — Но, судя по нашему анализу, я склоняюсь к...

— Тунлину.

— Поместью Хуалу, — одновременно с ним выдохнул Хань Цзюэ.

Сюань Тяньшэ удивленно воззрился на спутника. Впервые их мнения разошлись так кардинально. Сам он выбрал Тунлин — обе логические цепочки вели именно туда. Лишь версия Хань Цзюэ о пленении указывала на Поместье Хуалу, но Хань Цзюэ сам же говорил, что похититель вряд ли останется на месте.

Так почему же Хуалу? Он недоуменно ждал объяснений.

— Я знаю, что ты хочешь спросить, — Хань Цзюэ понимающе усмехнулся. — Если всё в этом мире возвращается на круги своя, то не логично ли предположить, что история Бай Мэн должна закончиться там же, где началась её миссия — в Поместье Хуалу, где она забирала знамя?

Сюань Тяньшэ задумался. Аргумент казался весомым, но в то же время каким-то расплывчатым, странным.

— Но разве истинное начало этой истории — не поместье семьи Бай в Тунлине? — внезапно прервал их Бай Линь.

— И то верно, — Хань Цзюэ потянулся, словно в его теле не было костей, и как бы невзначай придвинулся к Сюань Тяньшэ еще на цунь.

Тот не заметил этого маневра, лихорадочно перебирая в голове скудные крупички информации. В конце концов он тяжело вздохнул.

— Если бы на мне не было яда «Связывающей бессмертных» и не требовалась твоя помощь, я бы и сам мог наведаться в оба этих места.

— Теперь остается полагаться лишь на учеников Пика Чёрной Черепахи, — произнес Бай Линь. — Но их сил может не хватить, если дело примет опасный оборот. Не волнуйся, я велю им действовать крайне осторожно и не лезть на рожон.

— Но стоит ли посвящать их в такие тайны?

Хань Цзюэ рассмеялся.

— Придумай любой предлог, дело нехитрое. В конце концов, никто не знает, кто вырезал семью Чжоу — пусть расследуют. А если выяснится, что это дело рук Бай Мэн, и они найдут её саму — разве не этого вы добиваетесь?

— И всё же это странно, — Сюань Тяньшэ нахмурился. — Прошло три месяца с резни в поместье Чжоу, а слухов — ни гроша. Семья Чжоу была одной из самых влиятельных в Хуалу, за сто лет они пустили глубокие корни. И надо же — никто не поднял крика, не потребовал справедливости.

Хань Цзюэ презрительно хмыкнул.

— Справедливости? Для них? Они называли себя праведными духовными заклинателями, а

сами втайне превратили истязание душ в семейную традицию. Даже мы, демонические заклинатели, гнушаемся подобного, а ваши «святоши» годами закрывали на это глаза. Вместо того чтобы вытравить эту заразу, они только и знают, что кричать об истреблении демонических заклинателей. Тошно смотреть.

Он невольно посмотрел на пустые штанины Бай Линя. Хань Цзюэ вспомнил слова Чжан Чжунъяня: те самые «праведники» ради личной мести лишили Бай Линя ног только за то, что он защищал Сюань Тяньшэ. От этой мысли веяло беспросветной тоской.

Лицемерие «благочестивых» орденов он изучил давно. Если бы не их ложь, тот человек не бросился бы с Террасы Казни Бессмертных. И Хань Цзюэ не пришлось бы основывать Орден Истребления Бессмертных, поклявшись стереть эти школы с лица земли.

Он ведь даже не скрывался, вписав свою цель в само название ордена.

Тошнотворная мерзость. Истинный «праведный путь».

<http://bllate.org/book/17529/1695129>